

Бай Цингэ пришла в сад бокового двора, где девочка лет четырнадцати-пятнадцати, толкая инвалидное кресло, неуклюже описывала сидящей в нём цветы вокруг.

Бай Цингэ растёрла щёки, и застывшее лицо стало намного мягче.

— Сяохуа.

Девочка удивлённо подняла голову и, радостно семеня, бросилась к ней.

— Глава-цзеце, ты сегодня пришла немного поздно, — капризно прошептала девочка, прижимаясь к ней.

— Сегодня привязался один клоп, пришлось немного сделать крюк. Не будем об этом. Смотри, что я тебе принесла.

Бай Цингэ достала из рукава коробочку с хрустящими конфетами и помахала ею перед девочкой.

— О, это мои любимые хрустящие конфеты! Спасибо, глава-цзеце! — Сяохуа с улыбкой взяла коробочку.

— Тогда я пойду поищу Эр Я и остальных, — сказала девчушка, тактично освобождая пространство.

— Не беги слишком быстро.

Как только она спроводила Сяохуа, другая девочка, одиноко сидевшая в инвалидном кресле, надула щёки.

Бай Цингэ с удовольствием вскинула брови:

— Ой, а это что, речная рыба-ёж вылезла на берег? Дай-ка потрогаю, не уколюсь ли?

Рыба-ёж мгновенно выпустила воздух:

— Цингэ-цзеце, не смейся надо мной.

Чжу Цинъань протянула руку, желая отбить ту, что проказничала у неё на лице.

Но, прикоснувшись к той тёплой руке, она невольно сжала её.

— Что такое, Цинъань? Ревнуешь к старшей сестре Сяохуа?

— Ха-ха, как я могла забыть твою порцию? На, потрогай, что это.

Тёплая ладонь внезапно исчезла с лица, и на сердце стало беспокойно, но вскоре та же рука легла поверх её кисти.

Подушечки пальцев ощутили шероховатость, Чжу Цинъань принялась, и на лице появилось радостное удивление:

— Это пирожное.

Хотя сестра Цингэ говорила, что готовить его очень хлопотно, она приносила его через каждые два-три дня.

И самое главное, такое пирожное было только у неё.

— Давай я покормлю тебя, — сказала Бай Цингэ, подкатив Чжу Цинъань к цветочной клумбе.

Лицо девочки было безупречным, словно у феи, выпорхнувшей из цветка. Если бы она могла открыть глаза, то цветы наверняка потеряли бы свои краски.

Верно, Чжу Цинъань сидела в кресле не из-за больных ног — она была слепа.

Девочка с закрытыми глазами, полная ожидания, приоткрыла вишнёвые губки. Почувствовав, что в рот что-то попало, Чжу Цинъань слегка сомкнула жемчужные зубки.

Но как только рот закрылся, она поняла, что что-то не так.

Ощувив во рту посторонний предмет, Чжу Цинъань вскрикнула:

— Ай!

Бай Цингэ произнесла с довольно виноватым видом:

— Ой, извини. Я сегодня так торопилась, что забыла ложку. Пришлось кормить руками. Цинъань ведь не побрезгует сестрой, правда?

Осознав, что это было такое только что проникло к ней в рот, Чжу Цинъань залилась краской до корней волос.

— Неужели Цинъань брезгает, что у меня грязные руки? Но я их хорошо вымыла, — в голосе послышалась обида.

Чжу Цинъань, забыв о смущении, замахала руками, отрицая:

— Нет-нет, нисколько.

— Вот и хорошо. Давай, я продолжу кормить тебя.

Неужели снова так же? Это было уж слишком неловко.

— М-м... ну...

Мысленно она была против, но её губы, словно замороженные, совершенно непроизвольно раскрылись.

Если бы Чжу Цинъань могла сейчас открыть глаза, она бы увидела, что на лице, которое должно было выражать вину, на самом деле были только тревога и печаль.

«Чёртова Система, почему моё задание до сих пор не выполнено?»

Верно, и то, как она нарочно при Чжу Цинъань болтала и смеялась с Сяохуа, нарочно обделяя Цинъань вниманием,

и то, что сейчас она намеренно делала двусмысленные и сближающие жесты, —

всё, абсолютно всё было ради выполнения задания.

Нельзя винить её в том, что она прибегает к подлым трюкам. Главная причина в том, что в этом мире ей отведено лишь двадцать лет жизни.

А тут ещё и праведная армия вот-вот нападёт. Выживет ли она в этой мясорубке — ещё большой вопрос.

Если она умрёт здесь, это будет её настоящая смерть.

Этот мир ей совсем не нравится. Если уж умирать, то пусть она умрёт и вернётся обратно.

Там хотя бы можно будет иметь целое тело, красивую могилу, и по праздникам Цинъе-цзе будет приходить её поминать.

Но у выхода из Симулятора было одно условие: необходимо было добиться успеха в обольщении.

Поначалу она думала, что достаточно окружить другого самой тщательной заботой и быть к ней доброй.

Чем больше человек страдал, тем слаще ему кажется сахар.

Так оно и было. Все удобства банды она, по сути, не использовала для себя, а почти все тратила на Чжу Цинъань.

И её план удался. Чжу Цинъань стала чрезвычайно зависима от неё, у неё даже развилось тревожное расстройство разлуки.

Но даже при таком раскладе Система так и не подала сигнал о выполнении обольщения.

Тогда ей пришлось искать окольные пути.

Например, зная, что у Чжу Цинъань тревога разлуки, она нарочно тянула и не встречалась с ней.

Или намеренно при Чжу Цинъань разыгрывала сцены из «Белой школы».

А также, включая, но не ограничиваясь этим: поддразнивать словами, дразнить; играть с ней в прятки, усиливая её тревогу; нарочно молчать, создавая иллюзию своего безразличия, когда уходит не попрощавшись, и так далее.

Любой из этих способов по отдельности заслуживал бы проклятий в адрес той, кто их применяет.

Ах, Господи, я грешна.

Ой, нет, я в Господа не верю.

Ах, Будда, я грешна.

Тоже не то. Я и в Будду не верю.

Если говорить, во что я верю...

Я? Я грешна!

Так, я уже тебя простила. В конце концов, ради выживания приходится использовать и грязные методы. Ничего не поделаешь. По крайней мере, я действительно спасла её из лап чудовища (?)

Покормив пирожным, Чжу Цинъань, краснея, опустила голову.

Бай Цингэ встала, намереваясь незаметно ускользнуть, чтобы та снова осознала, насколько она важна для Чжу Цинъань.

Да, снова.

Она даже не знала критериев выполнения обольщения у чёртовой Системы и могла лишь пробовать снова и снова.

Но на этот раз Чжу Цинъань это заметила. Вернее сказать, она замечала это каждый раз.

Ведь у господина Лу Синя есть такая фраза: если Бог закрывает перед тобой одну дверь, он обязательно открывает окно.

Хотя Чжу Цинъань и не видит, но это сделало её остальные четыре чувства необычайно острыми.

<http://bllate.org/book/18858/1839489>